

**Рябов
Сергей Иванович**

Олег МУХИН

УГОЛ АТАКИ

В Музее трудовой славы Куйбышевского ордена Трудового Красного Знамени металлургического завода имени В. И. Ленина есть экспонаты, посвященные участию тружеников завода в Великой Отечественной войне. Здесь можно увидеть фронтовой снимок старшего лейтенанта с Золотой Звездой Героя и семью боевыми орденами на груди. Это бывший летчик-штурмовик Сергей Иванович Рябов, совершивший за время войны 210 боевых вылетов, уничтоживший много техники и живой силы противника.

Есть в фондах заводского музея один любопытный документ: письмо командира 92-го гвардейского штурмового авиационного полка гвардии подполковника Бориса Ивановича Ковшикова и его заместителя по политчасти гвардии подполковника Василия Арсентьевича Шамутило в село Цитерку Саратовской области Агафье Кузьминичне Рябовой, в котором они рассказывают о мужестве ее сына и благодарят за то, что она вырастила и воспитала такого стойкого и мужественного защитника Родины.

Не совсем обычную историю этого письма мне как-то поведал сам Сергей Иванович:

— Написано оно было по личному указанию генерала Николая Петровича Каманина. Однажды я не вернулся с

очередного боевого задания. Меня сбили в воздушном бою. Оказался в плену. Но через несколько дней сумел вырваться, добраться до своей части. Николай Петрович, командовавший тогда нашим Пятым гвардейским штурмовым корпусом, выслушав мой рассказ о всех перипетиях, через которые я прошел, посоветовал командиру полка написать такое письмо. Ведь меня сочли погибшим и уже успели сообщить матери, что я пропал без вести. Письмо должно было успокоить ее.

...А произошло это так. Бомбардировка станции Комарно заканчивалась. Командир группы «ильюшиных» гвардии старший лейтенант Сергей Рябов приказал своим ведомым сделать еще заход, выпустить последние снаряды и возвращаться на аэродром. Внизу полыхало пламя, горели вагоны, пристанционные постройки и склады. По всему было видно, что ущерб фашистам был нанесен немалый. Но командир считал, что еще один заход будет не лишним, тем более что остались боеприпасы.

И в это время появилось больше десятка «мессершмиттов». Группа Рябова на этот раз вылетела на задание без прикрытия истребителей. Наши «летающие танки» мало приспособлены для ведения боя с истребителями противника. Тяжелое положение советских летчиков усугублялось еще и тем, что на исходе были боеприпасы.

«ИЛ-2» — замечательная боевая машина. Не было ей равных, если дело касалось ударов по наземным целям. Были во фронтовой практике случаи, когда «ильюшин» выходил победителем в воздушном бою с «мессершмиттом». Но это случалось редко. И сейчас надо атаковать, другого выхода нет.

Сергей развернул свою машину навстречу «мессеру», поймал его в прицел и нажал на гашетки пушек. Они молчали. Кончались и патроны для пулеметов.

Рябов решил идти на таран, но «мессер» ловко увернулся, а на хвосте рябовского «ИЛа» уже висело три фашистских истребителя. Молчал пулемет воздушного стрелка. У того патроны должны были еще быть, но жив ли сам стрелок? В шлемофоне не слышно его голоса...

Сразу несколько пушечных и пулеметных очередей впились в советский штурмовик. Из пробитого мотора брызнуло горячее масло, на крыльях запрыгали языки пламени. Машина теряла управляемость. Еще секунда-другая — и

«ИЛ» камнем пойдет к земле. Сергей приказал стрелку покинуть самолет. Но из задней кабины никто не отозвался.

Рябов откинул фонарь, вывалился из перешедшей в беспорядочное падение машины, дернул кольцо парашюта. Купол наполнился воздухом. Внизу катил свои воды Дунай. Ветер сносил Рябова к левому берегу реки, к станции, которую он только что штурмовал со своими товарищами. Те, по всей вероятности, сумели отбиться от врага и уйти на свой аэродром. А вот командиру не повезло. До этого Сергея в воздушном бою сбивали дважды — на восьмом и двенадцатом вылетах. Но тогда он приземлялся на своей территории. А сейчас... Если бы удалось дотянуть до видневшегося внизу леса! Там была бы хоть маленькая надежда спрятаться до наступления ночи. Но земля стремительно приближалась, а лес был далеко.

Сергей проверил кобуру. Увы, она была пуста! Вероятно, пистолет вылетел, когда Сергей вылезал из кабины...

Машины рябовской группы одна за другой садилась на свой аэродром. Каждая имела множество пробоин.

— Где Рябов? — не выслушав доклада, тревожно спросил командир полка у одного из летчиков.

— На выходе из последней атаки нас перехватили «мессеры». Гвардии старший лейтенант сбит над Дунаем. Сразу четыре «мессера» атаковали его и подожгли.

Подполковник Ковшиков нахмурился. Тяжело терять одного из лучших штурмовиков не только полка, но и всего Пятого гвардейского штурмового авиационного корпуса.

Офицер штаба сообщил командиру полка, что его вызывает к телефону генерал Каманин.

— Как штурмовка Комарно? — спросил генерал.

— Задание выполнено, товарищ генерал! Но не вернулся Рябов.

— Что случилось?!

— Мне только что доложили, что Рябов сбит над Дунаем в воздушном бою четверкой «мессеров». Машина загорелась и упала в Дунай. Сумел ли выбраться с парашютами экипаж, ребята не заметили, потому что сами в это время отбивались от восьми «мессеров».

Николай Петрович Каманин сказал:

— Будем надеяться на лучшее, подполковник. Ведь Сергей бывал во многих переделках. Не может Рябов погибнуть, не может! Ведь я должен ему еще вручить Золотую

Звезду Героя. Узнаете что-либо нового о нем — немедленно известите меня. Хоть глубокой ночью.

— Слушаюсь, товарищ генерал!

... А в это время советского летчика допрашивали в фашистском штабе.

— Фамилия? — спросил немецкий майор.

— Сергеев, — ответил Рябов. Можно было назвать любую фамилию, так как документов при нем не было.

— Часть?

— Не знаю. Только что прибыл из запасного полка.

— Врешь. Против нас действует корпус Каманина. Ты из этого соединения?

— О Каманине слышал еще в детстве. Он челюскинцев спасал. А на фронте встречаться не приходилось, не знаю, где он сейчас.

— Опять врешь, старший лейтенант! Но мы тебя заставим заговорить.

В это время в комнату вбежал фельдфебель и что-то с тревогой сообщил офицеру.

— Подумай хорошенько о своей судьбе, Сергеев! — сказал офицер, торопливо закрывая в сейф бумаги.— Допрос продолжим потом.

Два солдата вытолкали Рябова из комнаты, провели в глухой каменный сарай. Щелкнул замок. В этот момент забухали зенитки. На гитлеровской штаб налетели советские самолеты. Это и заставило гитлеровца прервать , допрос.

Налет окончился, а за Рябовым никто не приходил. Наступила ночь. Сергей лежал на голой земле, думал о том, что обидно в самом конце войны попасть в такое безвыходное положение. Невольно вспомнилось прожитое...

Он родился и вырос на Волге. Детство прошло в Миرونке Питерского района, потом в самой Питерке на Саратовщине. Много читал книг и газетных статей о летчиках, снимавших челюскинцев со льдины, о замечательных летчиках Валерии Чкалове, Владимире Коккинаки, Александре Серове и других. В Саратове поступил в аэроклуб. Начинал, как и все будущие летчики, с поликарповского «У-2».

В первый же день войны написал рапорт с просьбой направить его в Энгельсское военное авиационное училище летчиков. Просьбу удовлетворили. В Энгельсе по ускоренной программе готовили летчиков-бомбардировщиков. В июле 1942 года Рябов уже самостоятельно летал на СБ. Предсто-

яла отправка на фронт, куда давно рвался Сергей. Но произошла задержка.

— Будете переучиваться на «ИЛ-два», — сказал Рябову и группе других курсантов-выпускников комиссар училища.— Учебное подразделение расположено неподалеку. Новая техника уже получена, инструкторы ждут.

О штурмовиках Ильюшина все курсанты были уже слышаны, даже видели «летающий танк» на училищном аэродроме.

— Что ж, будем фашистов бить на штурмовиках! — сказал своим товарищам Сергей Рябов. — Жаль только, что отправка на фронт откладывается.

На фронте он оказался в самый разгар Курской битвы. Потом бои за Харьков, Житомир, Киев, Винницу, Каменец-Подольск, Львов, Сандомирский плацдарм. В течение тринадцати месяцев непрерывных боев Сергей Иванович совершил 142 боевых вылета, уничтожил 12 фашистских танков, больше ста автомашин с грузами, 27 железнодорожных вагонов, 2 паровоза, взорвал несколько складов с боеприпасами, подавил огонь шести батарей. Был награжден двумя орденами боевого Красного Знамени и орденом Отечественной войны 1-й степени. Указом Президиума Верховного Совета СССР от 23 февраля 1945 года ему было присвоено высокое звание Героя Советского Союза. Но получить награду он не успел...

«Теперь и не получу, — с горечью подумал Сергей. — Но ведь глупо погибать вот так... А что если попытаться бежать? Ведь рядом какой-то лес. Но как выбраться из проклятого сарая? Сделать подкоп? Нечем, да и до утра не успеешь. Фундамент у сарая сделан на совесть. А что если...»

В голову пришла дерзкая мысль. Он вывернул карманы комбинезона, набрал горсть табачной пыли. Потом застучал в дверь сарая. Щелкнул замок, дверь приоткрылась, и часовой, держа наготове автомат, выпустил Сергея. Ночь была темная. Но дорогу к лесу Рябов заметил еще днем, когда его водили на допрос. Он сделал несколько шагов в темноту. Конвоир не отставал, покрикивая:

— Шнель, шнель, Иван!

Сергей резко обернулся и швырнул конвоиру в лицо горсть табачной пыли. Гитлеровец на какое-то время опешил. Этого было достаточно Рябову, чтобы рвануться к лесу...

Произошло это 19 марта 1945 года, когда полным ходом шла операция по освобождению Венгрии и восточных районов Австрии, которую вели Второй и Третий Украинские фронты и в которой активное участие принимал Пятый гвардейский штурмовой авиационный корпус генерала Каманина.

А двадцать восьмого марта в венгерский город Дьер ворвались части Двадцать третьего танкового корпуса. С чердака небольшого домика на окраине города спустился черноволосый парень в советском летном комбинезоне, представился командованию гвардии старшим лейтенантом Рябовым и попросил отправить его в 92-й гвардейский штурмовой авиационный полк.

... — Товарищ генерал! Докладывает подполковник Ковшиков. Старший лейтенант Рябов жив и здоров!

— Где он? — радостно спросил Николай Петрович.

— Рядом стоит, улыбается.

— Передайте ему трубку.

— Товарищ генерал! Докладывает гвардии старший лейтенант Рябов. Девятнадцатого марта был сбит в воздушном бою над станцией Комарно...

— Знаю, знаю! — перебил его генерал. — Как удалось спастись?

— Длинная история, товарищ генерал. Если бы не мадьяры, то не пришлось бы сейчас с вами разговаривать.

— Ну, если история длинная, то расскажешь при встрече. На днях приеду тебе Золотую Звезду вручать. А пока желаю новых боевых успехов. Война еще не кончилась, Сергей!

Гвардии генерал-лейтенант Каманин, кстати, только что получивший это звание, приехал в полк на второй день после разговора по телефону. Перед строем полка он вручал награды наиболее отличившимся летчикам-штурмовикам.

— Гвардии старший лейтенант Рябов!

Четко печатая шаг, Сергей подошел к Каманину.

— По поручению Президиума Верховного Совета СССР вручаю вам Золотую Звезду Героя Советского Союза и орден Ленина!

Николай Петрович сам прикрепил звездочку к гимнастике Рябова, а рядом с двумя орденами Красного Знамени — орден Ленина, потом обнял и расцеловал смелого летчика.

— Рябов — пока четвертый Герой Советского Союза в вашем прославленном полку. — Генерал обращался ко всем. — Раньше это звание завоевали старшие лейтенанты

Михайленко и Якурнов, лейтенант Болдин. Уверен, что мне придется вручать Золотые Звезды еще не одному летчику вашего гвардейского полка.

Во время торжественного ужина в честь награжденных Сергей рассказывал генералу Каманину о своих злоключениях под Дьером и в самом этом городе:

— От часового мне удалось убежать. Но в лесу утром меня сразу же схватили. Под каждым деревом — либо танк, либо орудие, либо блиндаж. Попал я в руки к немцам не из той части, которая взяла меня при приземлении. Возиться фашистам со мной было недосуг — наши нажимали. Меня отвезли в концлагерь в Дьер. Из лагеря убежал на третий день. Во дворе дома на окраине спрятался в колоде, из которой лошадей поят. Там меня хозяин дома и обнаружил. Человеком он оказался добрым, по-русски немного говорил. Одним словом, спрятал он меня на чердаке, хотя сам при этом жизнью рисковал. Так там я до прихода наших танкистов и отсиделся...

— А как фамилия этого мадьяра? — спросил Каманин.

— Я не запомнил, товарищ генерал. Уж больно мудреная фамилия. А вот звать Янош, значит, Яша по-нашему. На всю жизнь я этому Яношу буду благодарен.

— Ну как, Рябов, готов снова лететь на штурмовку? — спросил Каманин.

— Хоть сейчас, товарищ генерал! — Сергей даже вскочил.

— Садись, садись...

— Безлошадным я остался, товарищ генерал, — посетовал Сергей.

— Не ты один. Наш корпус в последних боях потерял много машин. Получен приказ откомандировать группу летчиков на Куйбышевский авиационный завод за новыми машинами. Там сейчас новый «ИЛ» в серию запустили. Ты, как жется, с Волги, Рябов?

— Так точно, саратовский.

— Тебе и ехать за машинами старшим. Мать у тебя жива?

— Живет в Питерке, под Саратовом.

— Успели ей сообщить о том, что ты пропал без вести? Вместо Рябова ответил командир полка:

— К сожалению, успели, Николай Петрович.

— Думаю, что стоит написать матери Сергея хорошее, теплое письмо с описанием подвигов ее сына и поблагода-

рить за то, что такого орла вырастила. Этим вы радость человеку доставите и исправите невольную ошибку.

Письмо Агафье Кузьминичне Рябовой было написано тогда, когда сам Сергей был уже на берегах родной Волги, в Куйбышеве.

Транспортный самолет приземлился на заводском аэродроме, который был буквально забит «ильюшиными». Как будто сразу две, а то и три штурмовые авиационные дивизии эту обширную забетонированную площадку избрали местом своего базирования. Новенькие «ИЛы» непрерывно взлетали, садились, а в небо устремлялись новые машины. Слышался треск пушек и пулеметов. Это оружейники на земле испытывали только что установленное вооружение.

Беседуя с Рябовым, начальник заводской лётно-испытательной станции предупредил Сергея Ивановича:

— Завтра мы, наверно, закончим сдачу самолетов для вашего полка. Послезавтра можете отправляться. Но одно условие...

— Какое?

— В задней кабине никого не увозить.

— Так мы же без стрелков прилетели.

— У нас могут найтись такие голубчики, что готовы удрать с завода на фронт не то что в задней кабине, а на шасси. Особенно молодежь. Были случаи, когда с фронта летчики прилетали к нам за машинами, получали их, улетали, а потом мы недосчитывались то одного, то другого нашего работника. Один такой объявился только после боев на Курской дуге. Сообщил, что сговорился с одним фронтовиком, угонявшим своим ходом самолет в Сталинград, и тот взял его в заднюю кабину. Парня зачислили в штурмовой полк, дали машину. Пока он не получил трех орденов, не написал нам ни строчки. И не один такой случай. Так что предупреждаю. Вот ты сколько вылетов в день делаешь?

— В самые напряженные дни — по три-четыре.

— А у нас каждому испытателю ежедневно приходится подниматься в воздух раз по пятнадцать, если не больше. И каждый раз — новая не проверенная машина. Так даешь честное гвардейское, что не возьмешь пассажира, как бы тебя ни уговаривали?

— Честное гвардейское!

Предупреждение начальника ЛИСа не было, оказывается, лишено оснований. Накануне отлета на фронт один сер-

жант, улучив момент, когда рядом никого не было, обратился к Рябову:

— Товарищ гвардии лейтенант! Можно вас попросить...

— Что ты хочешь, сержант?

— На фронт я хочу, а не отпускают с завода. Я курсы воздушных стрелков на «отлично» кончил. У меня документ есть... Комсомолец я.

— Ну, а я при чем? — Сергей уже понял, куда клонит парень.

— Возьмите меня в заднюю кабину. Вы ж летите без стрелка. В пути вдруг «мессеры» нападут, а я стреляю здорово и по воздушным, и по наземным целям. Очень прошу!

Что-то теплое шевельнулось в груди Сергея. Его воздушный стрелок погиб в бою над Дунаем. Может, взять тайком этого парня? Рябов хорошо его понимал. Но вспомнился разговор с начальником летно-испытательной станции, данное честное гвардейское слово...

— Нет, парень, не могу. Рад бы но... Стрелка моего в прошлом бою убили. Но сам понимаешь, мы люди военные, нарушать нам с тобой присягу нельзя. Тем более, что я коммунист, а ты комсомолец.

— Так ведь я не к мамке прошусь, а на фронт.

— Добивайся через свое командование.

Разочарованный сержант отошел, но со стоянки самолета не уходил.

Прежде чем дать разрешение на взлет, работники станции осмотрели все задние кабины отлетающих на фронт «Илов» и в одной из них обнаружили сержанта — уговорил-таки кого-то из летчиков. Разумеется, с машины его сняли.

Вскоре группа Рябова снова была на берегах Дуная. На новые машины «ИЛ» приехал посмотреть генерал Каманин. Он же и давал Рябову боевое задание:

— Задача предстоит не из легких, гвардии капитан! — Сергей только что получил повышение в звании. — Доставь карту. Вот видишь: большое село Сечень. Так вот, за северную окраину этой деревни зацепились наши пехотинцы, а дальше продвинуться не могут ни на шаг. Центр села и всю южную его часть удерживают фашисты. Закрепились здорово, техники понаставили пропасть. Возьми группу из двенадцати «Илов» и проутюжь как следует противника. Пехота свой передний край обозначит ракетами, чтобы ненароком нам по своим не ударить. Видимость паршивая. Фа-

шисты не ожидают, что мы в такую погоду полетим. Вылет — по готовности.

— Есть, товарищ генерал! Через десять минут будем в небе.

В мурое небо один за другим взмыли двенадцать штурмовиков. Рябов решил, что в такую погоду можно обойтись без истребителей сопровождения: «мессеры» вряд ли появятся. А противозенитным маневром каждый летчик группы владел в совершенстве. Да и низкая облачность до выхода на цель укроет от зенитного огня. Правда, выходить на цель придется вслепую, по приборам. Это труднее, чем по видимым наземным ориентирам. Но и с этой трудностью Рябов, летевший ведущим, надеялся успешно справиться. Не впервые приходится летать в условиях низкой облачности. По карте маршрут проложен опытной рукой.

Скоро должна быть Сечень.

— Пробиваем облака и выходим на цель! — передал по радиации Сергей своим ведомым. — Над целью перестроимся в правый пеленг и начнем штурмовку.

Вслед за ведущим штурмовики нырнули вниз, в вату облаков, прошли ее и оказались над большим селом. Вражеские зенитки пока молчали. Видимо, расчеты отдыхали, а наблюдатели, понадеявшись на погоду, проявили беспечность. Наши пехотинцы обозначили, как было условлено, свой передний край ракетами. А в центре Сечени и на ее южной окраине Рябов увидел скопление фашистской техники.

— Атакуем!

Рябов бросил свой «Ил» в пике. Первые бомбы и «эрэсы» полетели вниз с пятидесятиметровой высоты, обеспечивающей исключительную точность попадания в цель. Сергей вел огонь из всего бортового оружия — двух пушек и трех пулеметов. Восемнадцать заходов сделали рябовские «ИЛы», штурмуя скопления вражеской техники, укрепления, уничтожая живую силу. Заговорили было на пятом или шестом заходе зенитки противника, но Сергей приказал одному из своих звеньев подавить их. Приказ был выполнен быстро.

Удар штурмовиков был стремительным и уничтожающим. Пылали на улицах Сечени танки, бронетранспортеры, самоходки, грузовики, в панике разбегались фашисты, ища укрытия. Дождавшись окончания штурмовки, поднялись в атаку наши пехотинцы. По радио командир стрелкового полка передал летчикам горячую благодарность:

— Спасибо, ребята! Отлично поработали! Теперь наша очередь.

А вечером, когда техники зачехлили моторы, а летчики отправились в столовую ужинать, приехал Каманин. Ужин пришлось немного задержать. Генерал вручил Рябову третий орден боевого Красного Знамени. Ордена и медали получили и другие участники штурмовки Сечени. При этом Каманин сказал:

— Вы награждены по ходатайству командира стрелкового соединения, которое с вашей помощью только что освободило Сечень. Впереди много городов и сел, из которых нужно изгнать фашистов, а потом добить их в Берлине. Так что повоевать еще придется!

Действительно, повоевать еще пришлось. И немало. Брать Вену, помогать с воздуха восставшей Праге. Еще дважды генерал-лейтенант авиации Николай Петрович Каманин вручал награды Рябову: ордена Отечественной войны 1-й степени и Александра Невского.

О боевых делах Сергея Ивановича Рябова я знаю не только с его слов. Боевые друзья Рябова и архивные документы рассказали о таком случае из боевой жизни майора запаса.

...Победное лето 1944 года. Сводки Совинформбюро радовали, как никогда раньше. 19 июля Совинформбюро сообщило об успешных боях почти на всех фронтах. Под Островом была форсирована река Великая. Успешно наступали наши войска в Прибалтике, на Брестском направлении, за Волковыском, на Львов. В Львовской операции участвовал и штурмовой корпус Каманина.

Рябов получил приказ командира полка вылететь в разведку в глубокий тыл противника. Задание — обнаружить новые аэродромы противника и выяснить количество и тип базировавшихся на них самолетов. Воздушным стрелком у Рябова был старший сержант Васильев.

Вначале все шло нормально. «ИЛ» на большой высоте пересек линию фронта, стал со снижением углубляться во вражеский тыл. Удалось засечь и сфотографировать несколько аэродромов, подсчитать примерное количество машин и установить их типы.

Выполнив задание, Сергей развернулся на обратный курс, стал набирать высоту. В этот момент его перехватили четыре «фоккера». Завязался неравный воздушный бой. Умелым маневром, отстреливаясь, Рябов уходил из-под огня врагов, но

это не всегда удавалось, так как «фоккеры» атаковали с четырех сторон и непрерывно. Они обладали большим превосходством в скорости, маневренности, огневой мощи.

А тут в разгар боя был убит стрелок. Задняя полусфера машины оказалась беззащитной. Летчика прикрывала бронеспинка. И все-таки удачным маневром Рябов сумел поймать в прицел одного фашиста и расстрелял его. «Фоккер» вспыхнул и камнем пошел к земле. В практике редко бывало, чтобы штурмовик в воздушном бою справился даже один на один с более маневренным и скоростным истребителем. А тут машину Рябова «клевала» четверка.

Сергей был ранен в голову. На глазах в ключья превращалась обшивка крыльев. Плохо слушались рули высоты. С перебоями работал двигатель. Но Сергей все-таки ушел от противника и дотянул до аэродрома.

Рассказ летчика, подтвержденный проявленной фотопленкой, дал командованию ценные сведения о базировании авиации противника. По ним немедленно был нанесен удар штурмовиками корпуса. Именно после этого полета грудь офицера украсил второй орден боевого Красного Знамени. Только в боях за Львов и на Сандомирском плацдарме Сергей Иванович совершил 65 боевых вылетов.

Николай Петрович Каманин в книге «Крылья победы» так писал о своих подчиненных и об их машинах:

«После Львовской операции наши войска заняли Сандомирский плацдарм, обеспечив за собой значительную территорию. Но пехоты было мало, тылы отстали. Главная тяжесть борьбы за сохранение плацдарма легла на авиацию. Штурмовикам нашего корпуса пришлось работать с большим напряжением. Танкисты, пехотинцы, все воины, с которыми нам приходилось работать вместе, не один раз вспоминали добрым словом тех, кто создал такую исключительно ценную машину, как «ИЛ-2».

А создали ее на берегах Волги земляки Сергея Ивановича Рябова. В то время на тихой Самарской улице в Куйбышеве жил главный конструктор «Илов» Сергей Владимирович Ильюшин. А на заводе и день и ночь, без праздников и выходных, люди строили «летающие танки», дав их за годы войны, как утверждает Генеральный конструктор авиационной техники Александр Сергеевич Яковлев в своей книге «50 лет советского самолетостроения», более сорока тысяч. Ни один самолет в нашей стране не выпускался в таких количествах.

Двести десятым боевым вылетом в район Праги завершил войну отважный штурмовик гвардии капитан Сергей Иванов Рябов, Герой Советского Союза, кавалер семи боевых орденов и многих медалей.

После войны многие боевые друзья капитана Рябова ушли в запас. Но он остался за штурвалом военной машины. Одиннадцать послевоенных лет он летал над песками Кара-Кумов, над водами Аму-Дарьи, над Аральским и Каспийским морями, над отрогами Памира и Тянь-Шаня. И эти полеты были продолжением фронтового подвига.

— Мне сказали после войны, что нужно учить молодых летчиков, передавать им фронтовой опыт, — делился как-то со мной Сергей Иванович. — Но пришлось не только и не столько учить, сколько самому учиться. Зарождалась эра реактивной авиации. С «ИЛа» я пересел на реактивный истребитель «МИГ-пятнадцать». А это не так-то просто. Скорость у «ильюшина» всего-навсего четыреста двадцать километров в час. Появились всепогодные перехватчики... Одним словом, фронтового опыта оказалось явно недостаточно. Нужно было выработать принципиально новую тактику воздушного боя. И она вырабатывалась, в том числе и у нас, в Краснознаменном Туркестанском военном округе, где я служил в ВВС до увольнения в запас в тысяча девятьсот пятьдесят шестом году... Ну, а с тех пор летаю только в качестве пассажира.

Да, ветераны, во всяком случае, большинство из них, покинули небо. За штурвалы боевых машин сели сыновья, внуки. Они преумножают славу героев фронтового неба.

В день пятидесятилетия Сергея Ивановича Рябова мне довелось вручать ему приветственный адрес от имени совета клуба военно-патриотического воспитания молодых металлургов Куйбышева «Салют», одним из активнейших членов которого был гвардии майор запаса.

Не раз Рябов говорил будущим воинам:

— В воздушном бою нужно правильно выбрать угол атаки, чтобы наверняка победить противника, упредить его действия. В жизни есть тоже свой угол атаки. И если вы его точно определите, то не только будете удовлетворены сами, но и принесете пользу людям, обществу.

У самого Сергея Ивановича угол атаки в жизни поистине завидный.